

рабочие потребовали прибавки к зарплате, мужчинам по 3 руб., а женщинам по 2 руб. в месяц. Владельцы склада согласились удовлетворить эти требования лишь наполовину, на что рабочие пригрозили забастовкой. В ответ «администрация пригласила семь человек союзников, которым поручила один из столов таможенного отделения, заявив, что и в будущем будет приглашать союзников. Рабочие, видя забастовку сорванной, просили управляющего Тауэра отказать союзникам, обещав работать на прежних условиях»²³. Интересно, знали ли эсеры об этом эпизоде и как они к нему отнеслись?

Ярослав Леонтьев: Между нечаевщиной и лампадкой

Как сказал однажды во время заседания существовавшего в 1990-е гг. «Левого исторического клуба» руководитель «Мемориала» А.Б. Рогинский, эсерам не повезло дважды: сначала в истории, а затем – в историографии. Правда, недавно на семинаре «Партия трагической судьбы» К.Н. Морозов утверждал, что подобную фразу слышал от покойного историка В. Миллера. Но так ли уж важно, кто произнес её первым, а кто вторым – суть дела от этого не меняется. Главное, афоризм стал расхожим. Историю, конечно, не перепишешь, а историографию подправить никогда не поздно, и возникновение своего рода сообщества «эсероведов» в столице и во многих других городах – наглядное тому свидетельство. К этому сообществу давно принадлежит и автор книги о Наталье Климовой – Г.С. Кан. Наталья Сергеевна не была исключением – о ней также не писали ни статей, ни монографий (если не считать вышедшего в 2007 г. исследования Мод Мабийяр), ни тем более популярных биографий для серий «ЖЗЛ» и «Пламенные революционеры». И всё же ей повезло несказанно больше других эсеров – она стала героиней романа Михаила Осоргина «Свидетель истории» и повести Варлама Шаламова «Золотая медаль».

В «Свидетеле истории», впервые вышедшем в 1932 г., главную героиню зовут Наташа, а фамилия узнаваема до неприличия просто – *Калымова*. И хотя главным свидетелем Истории в романе выступает о. Яков Кампинский (его прототипом, как установил литературовед О.Г. Ласунский, был реальный дальний родственник писателя), те, с кем приходится сталкиваться странствующему «бесприходному попу», – несомненно, звёзды первой величины. И Наташа, наряду со своим соратником и возлюбленным Михаилом Соколовым (в романе его кличка «Медведь» изменена на «Оленя»), далеко не последняя из них²⁴. Это понимал не только её всегдашний поклонник Михаил Осоргин, принимавший некогда активное участие в революционных событиях, но и многие его современники. В их числе идейный оппонент Климовой, «веховец» Александр Изгоев, входивший в моду литературный критик Корней Чуковский, ушедший из эсерства в православие Вадим Руднёв, меньшевик-идеалист Константин Шиловский, религиозный философ Семён Франк, назвавший Климову «упоенной Богом человеком» и «замечательной душой», и многие другие. Сам всесильный и умнейший начальник Петербургского охранного отделения,

²³ *Омельяничук И.В.* Рабочий вопрос в идеологии и практике российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 33.

²⁴ Подробнее о раскрытии прототипов романа см.: *Леонтьев Я.В.* Образы террористов эпохи Первой русской революции в художественной литературе // Сто лет спустя... Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию революции 1905–1907 гг. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 162). М., 2007. С. 130–143.

полковник (вскоре произведённый в генералы) А.В. Герасимов, по мнению Г.С. Кана, «крайне равнодушный к Климовой», оказывал ей невероятные для иных арестантов услуги. Более того, как предполагает историк, именно Герасимову через дворцового коменданта В.А. Дедюлина, имевшего прямой доступ к императору, удалось предотвратить неминуемую, казалось бы, казнь Климовой. П.А. Столыпин же, к покушению на которого была причастна Наталья Климова, остался непреклонен, напомнив просившей о снисхождении О.Н. Климовой: «Не забывают, у меня искалечена дочь» (с. 71). Переживания отца, разумеется, можно понять в не меньшей степени, нежели заботу тети и мачехи.

«Смерть – тем более насильственная – всегда страшна и отвратительна», – пишет Григорий Кан об одном из самых ужасных в истории русского революционного движения терактов (он унёс жизни 28 человек, не считая троих подорвавшихся террористов). Наталья Климова являлась пособницей боевиков, взорвавших 12 августа 1906 г. казённую дачу Столыпина на Аптекарском острове, она лично доставила с конспиративной квартиры на извозчике одну из пущенных затем в дело бомб, а до этого принимала участие в разработке плана этого и других, несостоявшихся покушений, включая взрыв Государственного совета, где заседал тогда её отец). «Страдания умирающих и раненых, – отмечает Кан, – горе их родных, да и сам вид окровавленных трупов – эта картина ничем не отличалась от той, что была на площадях Петербурга после Кровавого воскресенья или на улицах Москвы после жестокого подавления Декабрьского восстания... Но на сей раз кровь пролило не правительство, а сами революционеры: противоборствующие стороны оказались равны друг другу в жестокости и полнейшем пренебрежении к человеческой жизни» (с. 50).

Союз Климовой и Соколова, главного виновника произошедшего, по словам автора книги, «заставляет вспомнить о романе Софьи Перовской и Андрея Желябова». По верному наблюдению историка, «совпадает многое: обе девушки... происходили из дворянских семей, их отцы занимали видные государственные должности, для обеих вспыхнувшее чувство было первым в жизни, их возлюбленные являлись лидерами боевых групп и имели мужицкое, крестьянское происхождение, наконец, в обоих случаях любовь развивалась почти буквально у подножия эшафота и влюблённые заранее обрекали себя на скорую гибель» (с. 45). Можно припомнить и другие пары: народовольцев Г. Гельфман и Н. Саблина, застрелившегося при аресте на глазах у подруги, эсеров М. Школьник и А. Шпайзмана, бросивших бомбы в карету черниговского губернатора А.А. Хвостова (о них тоже рассказывается в книге Г. Кана), американских анархистов русско-еврейского происхождения Э. Гольдман и А. Беркмана, покушавшегося с револьвером в одной руке и напильником в другой на управляющего заводом Фрика во время стачки в Хоумстеде, отсидевшего за это 14 лет, а потом взорвавшего виллу самого Рокфеллера²⁵, «рафовцев» У. Майнхоф и А. Баадера из немецкой леворадикальной Rote Armee Fraktion, державшей в страхе всю буржуазно-благополучную Германию, итальянских «бригадистов» Р. Курчо и М. Кагол из «Brigate Rosse», не шадивших, кстати, ни адвокатов, ни журналистов. В этой же цепочке террористическо-эшафотных романов – И. Каховская и Б. Донской.

²⁵ Бомбы изготовлялись в квартире Гольдман, которая ранее привлекалась к дознанию по делу об убийстве её хорошим знакомым, эмигрантом-белорусом Чолгошем, президента США У. Мак-Кинли.

Выходец из крестьян Донской взорвал 30 июля 1918 г. в Киеве командующего оккупационными войсками на Украине генерал-фельдмаршала Германа фон Эйхгорна и был повешен по приговору немецкого военно-полевого суда 10 августа того же года. Аристократка по происхождению и по духу Каховская пришла в революционное движение буквально одновременно с Климовой и даже отчасти повторила её путь. После 9 января 1905 г. она сперва присоединилась к социал-демократам, а через год перешла в Союз эсеров-максималистов. Весной 1908 г. две легендарные революционерки встретились в камере Новинской женской каторжной тюрьмы в Москве, но затем их пути навсегда разошлись, поскольку Каховская была отправлена по этапу на Нерчинскую каторгу, а Климова участвовала в знаменитом побеге 13 каторжанок, состоявшемся в ночь с 30 июня на 1 июля 1909 г. (к нему был причастен и юный Владимир Маяковский). В дни смертельной болезни и безвременной кончины Климовой Каховская, входившая к тому времени в руководящий состав Боевой организации Партии левых социалистов-революционеров, с нечеловеческим напряжением ожидала смертной казни в Лукьяновской тюрьме в Киеве. Как раз около этого времени в Киев приехала её соратница по БО ПЛСР Надежда Терентьева (та самая бывшая участница Боевой организации максималистов, вместе с которой Наталья Климова жила в одной комнате на Поварской во время учебы в Москве в 1905 г., а позднее – везла бомбы к даче Столыпина). Она прибыла на Украину вместе с мужем – известным боевиком Моисеем Закгеймом – специально для освобождения Каховской. И именно ей в те дни подруга-смертница рассказывала о своей связи с Донским: «И ещё», Надя, положи руку на сердце, скажу тебе. Для меня Борис до самого конца был товарищ, и любила я его как товарища, а теперь, когда он умер, я уже и не знаю, как я его люблю, – я никогда не отрываюсь от него. Его глаза честные, светлые, восторженные решительно всегда передо мной... Господи, он совсем не Каляев и не Созонов, а двадцатитрёхлетний матрос, который не читал “Войны и мира”, первый раз со мной был *ночью в лесу*, который хотел всё знать, всё понять и отдавал целую, непечатую молодую жизнь с такой простотой, скорбью и радостью»²⁶.

А существует ли вообще грань между добром и злом при рассмотрении такого социального явления, как индивидуальный террор? Как быть тогда с Клаусом фон Штауфенбергом, от «адской машины» которого в ставке Гитлера «Волчье логово» погибло четверо и было ранено 17 человек, а сам фюрер почти не пострадал (если не считать небольшой контузии)? Или, скажем, с библейской Юдифь? С Брутом? С чешскими патриотами, казвившими гитлеровского палача Гейдриха? Или с «экстремистом» Пушкиным, воспевавшим «цареубийственный» кинжал и явившимся в театр с портретом убийцы герцога Беррийского седельщика Лувеля, на котором красовалась собственноручная подпись: «Урок царям»? С лучшими из декабристов (И. Якушкин, М. Лунин), судившимися за умысел на цареубийство? Наконец, с признанием Марины Цветаевой: «С 12 лет и поныне – Наполеониада, перебитая в 1905 г. Спиридоновой и Шмидтом»?

С одной стороны, вслед за современником Климовой, философом и эссеистом Евгением Лундбергом можно сказать: «У героя партии – не особая мораль, не расчёт – но, вероятно, каждый раз особая, своеобразная обречённость. Товарищи по партии *удивляются* своему герою – точно он создан из другого,

²⁶ РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, д. 105, л. 16.

чем они, материала. Это удивление было особенно сильно после Каляева. Есть в террористическом акте анархическое начало: личность противопоставляет свои силы силам государства и побеждает. Есть желание унижить. Чем пышнее обставляет себя носитель власти и чем больше бережётся, тем соблазнительнее уничтожить его... Есть воля к испытанию себя, к саморазытию: какой я глиняный или стальной – и, вот, весь хочу прокалиться на огне, гибельном до последнего волоска. Есть великая нежность к братьям и жертвоприношение за них – оно прозвучало когда-то в прелестных письмах казнённой царским правительством *Рагозинниковой*. И есть тёмная воля к самоуничтожению – инстинкт гибели – пушкинское упоение гибелью, в котором самоутверждения больше, чем в жестокости Карамазовых»²⁷. Эти строчки Лундберг написал в «Дневнике писателя», узнав о казни Бориса Донского.

БО ПСР, БОМ, летучие Боевые отряды эсеров, БО ПЛСР, Гершуни, Созонов, Каляев, Воровский, Мазурин, Медведь, Коноплянникова, Каплан, Блюмкин, Каховская, Донской... Подорвавшиеся при изготовлении бомб Покотилов и Швейцер, покалечившая себя при снаряжении метательного снаряда М. Беневская... Никого не успевшие убить, но казнённые за умысел на цареубийство замеченный Менделеевым талантливый студент Александр Ульянов и бывший лейтенант Черноморского флота Борис Никитенко. Сёстры Измайлович: младшая Екатерина, мстившая за подавление восстания на крейсере «Очаков» и казнь лейтенанта Шмидта и расстрелянная на месте без суда за покушение на жизнь адмирала Г.П. Чухнина, и старшая Александра, желавшая отомстить за еврейский погром в Минске и вместе с простым русским парнем Иваном Пулиховым вышедшая на двойной теракт. Пулихов бросил в губернатора П.Г. Курлова разряженную провокаторшей «болванку», а Измайлович промахнулась, стреляя в полицмейстера Д.Д. Норова. Во время суда, приговорившего Ивана к повешению, а Александру к бессрочной каторге, в зале висел... портрет генерала А.В. Измайловича, отца сестёр-террористок.

Каховская вспоминала о том, как Борис Донской «с презрением отвергал... те планы побега, которые предлагали ему товарищи: “Если я уйду, дело потеряет половину смысла. Террорист должен остаться, открыть себя. Этим уничтожается то аморальное, что есть в убийстве человека человеком”»²⁸. Яков Блюмкин, сам-то как раз покинувший место убийства графа В. фон Мирбаха, по словам Ильи Эренбурга, узнав, что тот едет в Париж, просил узнать у Бориса Савинкова, «как он смотрит на уход с акта»²⁹. Понимал, что нарушил неписанный кодекс? «Если бы не было возможности своей смертью и муками искупить то аморальное, что было для него в самом убийстве, – он, может быть, не смог бы его совершить, – вспоминала Каховская о разговорах с Донским. – Мы знали это, много говорили с ним на эту тему в последние наши ночи». «У меня, Надя, – признавалась Каховская Терентьевой, – карамазовские, ужасные мысли были обо всём, и страшно, невероятно мучило убийство, и повесившийся извозчик (“утка”, придуманная следователем. – *Я.Л.*). Революция, акт куда-то отошли на задний план – перед глазами были два человеческих страдальческих лица. – Старик (фельдмаршал Эйхгорн. – *Я.Л.*) и молодой (погибший при взрыве бомбы адъютант. – *Я.Л.*), одиноко мечущийся по камере, повесивший-

²⁷ Лундберг Е. Записки писателя (1917–1920). Т. 1. Берлин, 1922. С. 191–192.

²⁸ РГАСПИ, ф. 564, оп. 1, д. 21, л. 131.

²⁹ Подробней см.: *Леонтьев Я.* Блюмкин и литературная богема. – В Приложении к кн.: *Велидов А.* Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. С. 227.

ся мужик-извозчик; замученная, прекрасная, ценная жизнь Бориса, – стоял в душе один вопрос: Господи, что я наделала, что я наделала? Если б меня не арестовали, не мучили, я бы на воле, верно, не выдержала бы этого вихря, – а тут как искупление какое-то пришло. Видишь, Надя, какая я террористка. Полезла с суконным рылом в калашный ряд, и вся нравственная ответственность за провал, за невыполненный второй акт (в отношении гетмана П.П. Скоропадского. – *Я.Л.*) падает только на меня, Надя. Я себе кажусь часто каким-то Смердяковым»³⁰.

В своё время именно максималисты (наряду с анархистами-«безмотивниками»), скатываясь в отринутую ещё первыми революционными народниками «нечаевщину», стали отходить от той революционно-нравственной парадигмы, которую сформулировали Лавров и Кропоткин и наиболее ярко продемонстрировали Созонов и Каляев. Вовсе не случайно и очень уместно Г.С. Кан цитирует теоретика максимализма Григория Нестроева, упрекавшего Соколова-Медведа в «преступно-лёгком отношении» к чужим жизням (с. 27–28)!

В итоге к такому же взгляду склонится и Наталья Климова. Она пойдёт ещё дальше, придя через рождение детей и к лампадке перед иконой, и к написанию слова Бог с большой буквы, и к словам, сказанным накануне кончины: «Когда нужно бороться за жизнь – за её ценность – нужно бороться с людьми. И бороться без пощады, когда того требует победа ценности жизни... Нужно постоянно различать в них, с одной стороны, выражение и отражение этих специальных отрицательных условий жизни, сделавших их дурными, “нашими врагами”, а с другой – таких же людей, носителей духа и Божества, частицы того единого мира. И значит, нужно относиться к ним даже во время этой самой борьбы со всею человечностью, вниманием, лаской – со всею любовью, на которую способна наша душа» (с. 158). Такой взгляд и отличает бомбистов Каляева и Донского от подавляющей массы неофашистских, исламистских, палестинских и иных современных террористов. Автор книги «Наталья Климова. Жизнь и борьба» соглашается с В. Шаламовым в том, что «жизнь Климовой, её судьба... – трещина, по которой раскололось время», по одну её сторону – «весь гуманизм девятнадцатого века, его жертвенность, его нравственный климат, его литература и искусство», а по другую – «Хиросима, кровавая война, и концентрационные лагеря, и средневековые пытки» (с. 165). Вкусив искушение XX веком, Климова принадлежала всё же к завершившемуся на её глазах прежнему столетию.

Г.С. Кан выявил и свёл воедино немало действительно уникальных и впервые вводимых в научный оборот источников. Жаль только, что в своей книге он почему-то умолчал об известном ему секретаре Общества исследователей Рязанского края Николае Алексеевиче Дорогутине (1897–1937), в руках которого находились бумаги, полученные от родных Климовой после революции. 7 ноября 1921 г. Дорогутин выступил на социально-историческом отделении ОИРК с докладом «Из истории революционного движения (Н.С. Климова, её жизнь и деятельность)», а затем работал над так и не вышедшей книгой. Пожалуй, автору следовало бы поставить перед будущими исследователями задачу продолжения поисков этих утраченных документов.

³⁰ РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, д. 105. л. 17.